

18+

Александр Дари
Терять и находить

Сборник рассказов

Александр Дари
Терять и находить.
Сборник рассказов

<https://litres.ru/74465833>

ISBN 9785007124904

Аннотация

Данный сборник объединяет рассказы Александра Дари разных лет. В них улавливается авторский стиль с акцентом на мимолётность мгновений, на хрупкую красоту обычных дней и на то, как сильно они могут влиять на внутренний мир человека. В его произведениях тончайшие оттенки чувств раскрываются через мелкие, почти незаметные штрихи, многослойную подачу переживаний.

Содержание

Твои родные места	5
I	5
II	11
Колесо обозрения	17
Шкаф с резными дверцами	22
День из детства	26
Терять и находить	29
Часть первая	29
Часть вторая	38
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Терять и находить Сборник рассказов

Александр Дари

Иллюстратор Александр Дари

© Александр Дари, 2026

© Александр Дари, иллюстрации, 2026

ISBN 978-5-0071-2490-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Твои родные места

I

Я сидел в поезде. Под стук колёс и шелест рельсов хорошо думается. Один из тех моментов, когда вспоминается прошлое.

Даже сейчас, по прошествии тридцати лет, я хорошо помню и отца, и дедушку, и бабушку, с которыми мы жили вместе в одном доме, и младшего брата, который так и не родился, и мать, которая ждала ребёнка и пролежала долгое время в больнице, а, вернувшись, запила ещё сильнее. Будто вчера мне было восемь, будто вчера исполнилось пятнадцать. Я закрываю глаза, и передо мной проносятся картины давно ушедшего времени. Интересно, спрашиваю я себя: вернувшиеся, всплывающие в памяти образы — это из-за того, что так монотонно стучат колёса поезда? Даже если бы могли запечатлеть эту жизнь на киноплёнке, всё равно бы лента когда-нибудь закончилась, с шумом пролетел бы последний отснятый кадр, перестала бы вращаться пустая бобина, в воздухе запахло камфарой — сладковатым запахом нагретой киноплёнки, а закадровый голос, мой голос, продолжал бы рассказывать и рассказывать — так много мыслей, чувств, эмоций сохранилось во мне. Я помню запахи

улицы, домов, вяленой и копчёной у костра рыбы, запах реки, сырости подъезда, тени деревьев у берега реки; все вкусы той жизни сохранились во мне, ими наполнен был, когда жил в столице, ими переполняет меня и сейчас, к ним я возвращаюсь. И, конечно, в памяти лица, голоса тех людей, которых давно уже нет в живых. Никого не осталось из тех, кого я знал когда-то.

Что это за место, к которому меня тянет? Может, это часть души? Существует что-то особенное, что мне так необходимо, нечто ценное, к чему возвращаешься, нечто определённое, неразтворимое во времени, образы, которые уже утрачены: старые деревянные дома с красивым резным фасадом, окна со взглядом прошлого времени, деревянные ставенки — есть в них сила ручного труда, — или цветущие палисадники, сады на заднем дворе. Таков был и наш дом — красивый, резной, в котором мы все жили, но он сгорел. В огне погибли дедушка и бабушка, а вскоре умерла и мать. Так и не нашёл ответа, почему я вернулся сюда. Может быть, в этот раз мне удастся найти для себя ответ и успокоиться.

Вот я в городе и заново открываю его для себя; тут всё по-новому понятно, и только прошлое хранит свои тайны. В эту поездку я узнал, что случилось с отцом. Отец тогда не вернулся и считался пропавшим. Он знал, где стерлядь идёт, — места известные. Я ждал со слезами, что он вот-вот вернётся. И тогда, и много лет после. Ждал, что вернётся, найдёт ме-

ня. Назовёт по имени... Нашли только его катер с поднятым мотором. Ни вещей, ничего, что могли бы передать семье.

Отец увлекался рыбалкой, мать всегда была занята то на кухне, то работой в прачечной, дедушка с бабушкой помогали чем могли по дому, я был предоставлен сам себе: ходил в школу, играл с собакой. Говорят, чтобы свести концы с концами, отец спутался с какими-то мутными людьми. Теперь я догадываюсь, почему пропал отец.

Существует масса причин, из-за которых Волга может в скором будущем остаться без рыбы. Одна из них — браконьерство. Несколько десятилетий назад на Волге у Саратова ловилась стерлядь. Потом плотина Волгоградской ГЭС отрезала ей выход на привычные места нерестилища, и она стала пропадать. Сегодня стерлядь собираются разводить в водохранилище искусственно, но в то время об этом не думали. Кто-то хотел нажиться, а отец — прокормить семью. Он знал привычные места нерестилища. Долгое время он с гордостью приносил домой белугу, севрюгу, осетра, стерлядь, делился с соседями. Стерлядь — тот самый символ рыбных богатств края, та самая рыбёшка на голубом поле герба Саратова.

Теперь я понимаю, что отец не вернётся. Люди, которые хотели нажиться на рыбе, не оставляют свидетелей. Я хотел бы добраться до того места, где пропал отец, того берега, где нашли его лодку, увидеть своими глазами то место, где его не стало.

И всё же тогда было прекрасное время, оно прочно оста-

лось в моей памяти. Тогда все были живы и жили вместе в деревянном доме на Пушкинской улице. Я помню их голоса, выражение лица бабушки, разговоры с отцом, матерью и дедушкой. Помню то утро, когда, выходя в палисадник, видел сидящего у крыльца деда. Смотрел, как он правил сеть или лесу с крючками. Большие они были — эти крючья, а не крючки. Не знал я тогда, на какую рыбу их вязали. Присаживался рядом, и он, проведя по моей голове рукой, учил меня завязывать леску с крючком. Много, слишком много меня связывало с этим городом, слишком много противоречивых эмоций вызывал.

В один из дней, проведённых в городе, я добрался до школы, в которой учился. Мне захотелось снова увидеть это здание, взглянуться в знакомые очертания фасада, кладку кирпичей, зайти во двор, снова ощутить в себе те чувства, возникшие у меня когда-то, — ту самую смесь волнения и предвкушения, с которой я каждое утро приходил в школу. Вспомнилась линейка на улице — построение в первом классе. Вспомнилась первая учительница, Анна Павловна. Хотелось снова быть тем мальчиком, который верил, что впереди всё обязательно будет хорошо, и который ещё не знал, сколько дорог ему предстоит пройти и сколько потерь пережить. Мне вдруг стало ясно: я пришёл не просто посмотреть на старое здание — я искал здесь частичку себя, того себя, который ещё не научился надеяться и радоваться простым вещам.

Когда я зашёл внутрь школы, девушка, с виду учительница, спросила меня, что мне нужно. Я сказал, что учился здесь, назвал своё имя и фамилию, что жил на Пушкинской улице. Она меня вспомнила, вернее, моё имя связала с тем домом, в котором и она жила: мы были соседями. Девушка тоже учительница, а в детстве — Верунчик, маленькая девочка, которой тогда было четыре годика. Вспомнила, как боялась моей собаки; она и сейчас боится собак.

Вера была одета в тёмные брюки и блузку с жакетом, смутно помнила о том пожаре, рассказала мне, почему неожиданно не стало её матери, Анны Павловны. Я смотрел на неё, как шевелятся её губы, слушал её спокойный голос, а она всё говорила, говорила, и я всё это время думал, что она сейчас в возрасте своей матери — воспитательницы нашего класса, любимой учительницы. Как странно: теперь я старше Анны Павловны, и этот возраст уже не является для меня бесконечно недостижимым, как раньше. Для нас, учеников третьего класса, Анна Павловна была взрослой, которую мы все бесконечно уважали и словам которой внимали. А в жизни она была просто молодой женщиной двадцати семи лет со своим внутренним миром, достоинствами, недостатками, страстями, своими взглядами на жизнь... О том, что с ней произошло, я тогда не мог знать. От нас, школьников, да, я думаю, в то время от всех, это постарались тщательно скрыть. Такие вещи не предают огласке, тем более был замешан другой учитель из этой же школы. Только мы ничего не

знали. Одним утром, когда мы пришли в школу и разбрелись по классу, нам сказали без объяснения, что Анны Павловны не будет: просто она больше в школу не придёт, и вместо неё у нас уроки будет вести другой учитель.

II

Я встретился с Верой на следующий день, и потом мы виделись часто. Благо я мог позволить себе остаться в городе на долгое время.

Был прекрасный тихий вечер. Мы смотрели на Волгу, на то, как вдали скользили по реке нагруженные баржи. Мы оба любили Саратов. Я медленно облокотился на парапет рукой и ладонью почувствовал шершавую поверхность, ту самую, знакомую с самого детства, что теперь даже не вспомнить, когда впервые я дотронулся и запомнил её. Может быть, школьником, когда приходил не раз с дедом удить рыбу с первого яруса набережной? Или, может быть, ещё двухлетним ребёнком меня ставил на парапет отец солнечным летним днём, и я шёл, держась за его большую мозолистую руку, чему-то глупо радуясь, как радуются дети в этом возрасте, и эта шершавая поверхность сейчас напомнила мне его тёплую сильную руку — и теперь, и всегда напоминала мне его — отца? И страшно, и холодно стало в груди при мысли, что и меня когда-нибудь не станет: кто будет помнить обо мне? Бывает, что моменты, которые возвращаются из памяти, не в силах остановить. Я бы многое отдал, чтобы некоторые из них навсегда забыть.

— Ты играешь на пианино?

— Пианино? — удивилась она. — Нет, — она улыбнулась,

— я не играю. А почему ты спросил?

— Помню, у вас дома было пианино, стояло у окна. Я прятался под ним, когда ночевал у вас однажды.

— Это мамино, это она играла. Оно сгорело в ту ночь. В ту ночь всё сгорело. Бабушка мне многое рассказывала, но, ты знаешь, сколько мне ни рассказывай, мне всегда мало.

Вера была чем-то похожа на меня: как и я, по крупицам собирала воспоминания о близких людях, вернее, о своей матери.

— Я часто слышал, когда приходил к вам, как играла Анна Павловна, и подумал, что, если ты стала, как и она, учительницей, то, возможно, тоже играешь на пианино.

— Столько слёз я выплакала по маме. Хотела работать в школе, как мама, и устроиться туда, где работала она.

— Как странно, что мы встретились.

— После долгих лет.

— После стольких лет кажется, что прожил несколько жизней.

Судьба вернула меня назад. Мы нашли друг друга, даже не задумываясь об этом, и не ожидая этого, и не надеясь найти. Мы даже не вспоминали друг о друге, не размышляли о том, как может сложиться судьба.

— Да и что мы могли помнить и о чём вспоминать, когда нам было так мало лет.

Вера призадумалась, а затем спросила:

— Хочешь знать, как я живу сейчас? Хочешь начистоту?

Девушка откровенно рассказала, что встречалась сразу с двумя. Один старше неё — директор филиала страховой компании, другой — молодой парнишка лет двадцати пяти. Зелёный юнец и жутко смешной. Директор показался ей галантным кавалером: приглашал в кафе, в театр оперы и балета, одевался в костюм. Она познакомилась с ним в школе: он — отец дочери, которая пошла в этом году в первый класс, и был женат. А с молодым парнишкой всё сразу было понятно — у него пока ещё ветер в голове.

Мог ли я серьёзно относиться к Вере, как понимать её? Я всё ещё не пришёл в себя после приезда, после яркой вспышки переживаний, которые переросли в чередующиеся мысли и образы. Тогда в голове неосознанно понял, что женщина способна обрести себя за несколько минут, а мужчине иногда для этого нужны годы самокопаний. Быть может, у меня до сих пор не было любимой женщины. В моих мыслях мелькали картины луга, открытого пространства с яркими сочными красками неба, кучевых облаков, и косой дождик, и ночные тени от фонарей, и потом, по непонятной мне причине, появились кружащиеся поливалки газонов, набережная, ротонда, липы, наш старый деревянный дом. Иногда достаточно подойти к берегу любой, даже самой мелкой речушки, уловить в воздухе родной запах реки или случайно в чужом городе увидеть ряды фонарей — и вот уже не остановить воспоминания: из памяти вновь возникают то вечерняя набережная, то парк Липки, то пылающие окна домов на чёр-

ном небе, крики и плач женщин. Все эти предметы сменяли друг друга в несуразной последовательности и возникали неожиданно, как в калейдоскопе.

— Любила? — наконец спросил я после долгой паузы.

— Ну что ты, нет. Никого из них. Так сложилось. Мечтала провести несколько дней в Италии, съездить, посмотреть. И на море. Я вообще Италию люблю.

— А какая у тебя любимая страна? — спросила Вера.

— У меня нет любимой страны, наверно, только остались любимые места, где я хотел бы оказаться снова и снова. Это берег реки, простая просёлочная дорога, луга и холмы, иногда мощёная мостовая с опавшими листьями, которые кружит под ногами ветер.

— Тебе надо побывать в Италии, — сказала она. — Тебе бы там понравилось.

Я посмотрел на неё.

— Мне достаточно Саратова. Чем не Италия?

Мы рассмеялись и постояли немного в обоюдном молчании.

Был тёплый волжский вечер с мягким ветерком. Её край платья случайно коснулся моей руки. Я почувствовал лёгкое касание хлопка, посмотрел на профиль её лица. Вера глядела вдаль, а потом прислонилась ко мне плечом.

Я хотел было поднять руку и обнять, но не посмел это сделать, не мог пошевелиться и перевёл взгляд на противоположный берег, туда, куда она смотрела. Берег был тёмным

и почти неразличимым в наступившей темноте. Вокруг нас было светло, горели фонари, и длинные тени от них касались наших ног. Наступило состояние, которое я всегда ненавидел, при котором я не мог сказать ни слова. На меня всегда так действовали неожиданные нахлынувшие эмоции, ощущение рядом женщины, к которой я становился равнодушным.

Она смотрела на ребристые цветные полосы воды и, взяв мою руку в свою, приложила к себе.

— Так будет теплее, так будет лучше, — с мольбой произнесла она.

И с этим было трудно поспорить. Я собрался спросить, кому будет лучше, но сразу понял, что мой вопрос прозвучит глупо.

Я забрал её с собой. И уже дома, в столице, когда Вера была близка так, что между нами, не осталось ни воздуха, ни тени прошлого, мне вдруг стало так спокойно на душе, как никогда раньше. Как будто оказаться вдвоём в другом измерении, где время течёт иначе, а все тревоги остаются по ту сторону двери. Тот момент, когда уже ничего не нужно, потому что было всё: и любимая женщина, и упоение жизнью, и безмерное ощущение взаимного запоздалого счастья.

2007 год

Колесо обозрения

— Зачем ты пригласил меня сюда? — спросила она сначала удивлённо, с укором.

Остановилась и полезла в сумочку.

Затем, смеясь и закуривая сигаретку, продолжила идти.

— В какой-то детский парк. Не понимаю... места для прогулки не нашлось другого? — спросила она, выдыхая дым.

Ему стало не по себе. В парке, где росли цветы, где по-особому чувствуется настроение близости к природе, резкий сигаретный дым неприятен и кощунственен. А потом этот сарказм... Как он устал от него.

— Посмотри вокруг, — ответил он. — Разве тут не чудесно? Я помню этот парк с самого детства. Тут при входе был небольшой сад с редкими растениями и табличками с их названиями. Помню, как с интересом рассматривал каждое из них и старался запомнить. Там дальше — пруд, который казался мне широким, просторным и страсть как глубоким, а прямо по дорожке можно встретить фигурки животных из детских сказок, вырезанные из дерева, и если повезёт, то и белок — живых белок: их недавно завезли в парк. Ты сможешь их покормить с рук, если захочешь.

— Что мне нравится в тебе, — сказала она, догоняя и беря его под руку, — это твоя непосредственность, оригинальный взгляд на вещи. Я всегда с интересом слушаю, как ты

рассказываешь. Продолжай.

— В юности, мне мечталось встретить родственную душу, когда понимаешь друг друга с полуслова. Мечталось пройтись однажды вдвоём по этому парку и говорить, говорить без умолку.

— Девушку, — уточнила она.

— Скорее близкого человека. Мне представлялось, что мы вместе гуляем тут и рассказываем друг другу о том, что каждый из нас чувствует, переживает и понимали, что чувства наши схожи.

— Мне почему-то кажется, что таких, как ты, уже не осталось, — сказала она иронично.

— Много лет прошло с той поры, как я думал об этом, — продолжал он. — Вот сейчас захотелось снова пройтись в парке. Вновь ощутить то состояние ожидания и постараться разделить его с тобой.

— Я тут, рядом, и тебе больше никого не придётся ждать. Что дальше? О чём будем говорить?

— Давай просто пройдемся к аттракционам, — предложил он. — Лучшим из них для меня всегда было «Колесо обозрения», или попросту «колесо». Что-то всегда волнительное испытываешь, когда садишься в кабинку, и удивительно становится при движении вверх, когда медленно раскрывается пространство и всё больше и больше появляется внизу знакомых мест, где бывал когда-то, потом они мельчают и сливаются: крыши зданий, кроны деревьев — сливаются

ся в цветные пятна на полукруглом пространстве небольшого мира. Теперь этот мир другой.

— Что же изменилось?

— Всё изменилось. Не те ощущения, величие мира пропало. А как хотелось поговорить об этом там, наверху, с другим, но близким человеком, который был бы рядом и испытывал те же чувства! Как этого порой не хватает.

— Постой, что это?! — удивилась Лада. — Что-то случилось.

Действительно, вокруг как-то сразу всё изменилось. Люди заспешили прямо по аллее, и они оба тоже поспешили пойти вперёд, туда, к аттракционам, где у «колеса» уже столпилась небольшая группа. Подойдя ближе, они увидели ужасную картину. Люди окружили небольшое пространство прямо под аттракционом, где на асфальте лежало бездыханное тело женщины.

— Я видел её раньше: она часто в одиночестве гуляла в парке и сегодня тоже пришла одна, — сказал кто-то рядом.

— Предъявила билет контролеру и вошла в кабинку.

Разговоры продолжались, каждый хотел вставить своё слово:

— На цепочку закрыли дверцу за ней.

— Да, закрыли, а колесо продолжало двигаться.

— Оно всегда в движении.

Заглянули в кабинку. Дверца кабинки оказалась открыта и не повреждена. Сумочка с документами лежала на сиденье.

— Бедняжка, сама выпрыгнула.

— Жуть какая. Пойдём, — сказала Лада. — Нечего тут стоять и смотреть на трагедию.

Когда выходили из парка, Лада предположила, что та женщина была не в себе, разве мог бы здравомыслящий человек совершить такой поступок.

Он же всю обратную дорогу до дома молчал и о чём-то думал. На следующий день он прочёл заметку в интернете на планшете о трагедии в детском парке.

— Послушай, если тебе интересно, что написали по поводу случившегося, — сказал он своей молодой жене. — Как оказалось, женщина прожила всю жизнь одна, ни разу не была замужем, работала техничкой в школе. Следствие считает, что у неё помутилось сознание и она случайно упала. Представляешь?

— И в чём же подвох? Вполне понятная причина. Не забивай себе голову, — сказала она, вытирая посуду. — По крайней мере, было бы странно выбрать для самоубийства такое место и способ.

— В том-то и дело, что не странно, — сказал он, смахивая на экране страницу. Потом тихо добавил, продолжая рассуждать сам с собой:

— При закрытой кабинке случайно упасть? Нет, не верю...

Парк, колесо, разбитые наивные мечты... Ему представилась та женщина: сначала неспешно прогулившаяся по алле-

ям парка, потом поднимающаяся на аттракционе всё выше и выше с леденящим душу разочарованием.

Парк вокруг был по прежнему детским, ярким, с деревянными фигурками и белками, и этот контраст казался почти жестоким: здесь всё было устроено так, чтобы напоминать о чуде, а она пришла сюда, чтобы окончательно убедиться, что чудес не бывает. В этот момент у него сжалось сердце. Ему показалось, что он действительно теперь остался один.

2012 год

Шкаф с резными дверцами

В один из тех редких июльских дней, когда многие вернулись в город и лодки, вытасщенные на берег, сиротливо пустели, она лежала в одной, что оставалась на плаву, и загорала.

Небольшой дачный домик, который женщина покинула на некоторое время, виднелся неподалёку на пригорке, и только полоска приусадебного участка широкой ступенькой отделяла его от пологого песочного пляжа.

Подойдя к берегу, женщина не сразу решила прилечь позагорать в лодке, а сначала разместилась на корме и некоторое время смотрела, как образуются круги и буруны, вода ногами по воде. Глаза женщины были закрыты, и, несмотря на то что лежала она на деревянных стланях, какие обычно кладут на дно вёсельной лодки, ей было удобно и приятно на своём махровом полотенце.

Солнце стояло высоко, тени от бортов едва касались поверхности воды, случайный лёгкий ветерок шевелил волосы женщины да край полотенца. Лёгкая улыбка касалась её губ. Робко и гулко прокатывалось что-то под днищем, когда мимо проплывал катер. В этот момент лодка слегка покачивалась — будто плыла по реке. Высокое солнце и это движение воды навеяли воспоминания. Ей вспомнился тот день, как она каталась вместе с ним на водном велосипеде, и было также солнечно, тепло на душе, и позади велосипеда, за ко-

лесом, летели брызги, и струилась вода, и буруны были большие и долго не исчезали.

Вместе они отплыли и направились к противоположному берегу. Несмотря на то, что противоположный берег был рядом, река в этом месте была глубока, и сюда иногда заходили корабли. Ей стало немного страшно, поскольку при сильном волнении то один поплавок велосипеда, то другой исчезал под водой, и при встречном ветре брызги от набегающей волны попадали в лицо. Но тогда она удивилась сама себе — прогулка ей понравилась. Хотелось этих странных, в чём-то страстных ощущений, хотелось продолжать оставаться с ним наедине.

Проплыв вдоль противоположного берега, обогнув его длинный мыс, сплошь покрытый густым кустарником, они остановились. Волны утихли. Здесь, в стороне, за мысом росли высокие камыши, и течение слегка сносило к ним катамаран. Теперь ни велосипед, ни их самих не было видно с пляжа, и сердце у неё учащённо забилось. Девушка улыбнулась. На щеках вспыхнул румянец. Ей захотелось, чтобы он крепко поцеловал. Куда бы они ни смотрели, вокруг не было ни души, никто не проплывал мимо, и только высоко в небе летали чайки с нежными жемчужно-белыми боками.

И вдруг — наваждение... Настолько сильным и захватывающим было это чувство, когда возбуждение смешалось с чувством опасности, что их могли случайно увидеть, что

и сейчас, как тогда, всю её охватило волнение и страстное желание, чтобы он подошёл, обнял, а она прижалась бы к нему...

Поднявшись в лодке и прикрывая глаза от солнца рукой, женщина посмотрела вдаль. Просторная, широкая гладь реки простиралась до далёкого, как казалось раньше, зелёного мыса. Со временем этот мыс стал ближе. «Это что-то из теории времени и пространства», — подумалось ей. Где-то правее, уже за мысом, где широко разливалась река, взгляду попались маленькие тёмные фигурки кораблей. На небо набежали облака. Ветер подул сильнее, спутав на лбу волосы. «Пора возвращаться, пора разогревать обед и начинать готовить ужин», — сказала она себе. Женщина поправила волосы и пошла босиком вдоль берега, направляясь к дому. Песок на пляже был горячим и обжигал ноги, но она привыкла ходить босиком и не обращать на это внимания.

Войдя в дом, она прошла мимо шкафа с резными дверцами, что стоял в холле, и даже не взглянула на него, не задержалась подле него, как обычно. Из просторного зала женщина свернула на веранду. Ребёнок спал в том же положении, как она его уложила. Щёчка его мило лежала на маленькой детской ручке, а ротик был слегка приоткрыт. Она прошла, присела рядом. Ей нравилось сидеть около него и смотреть, как он спит, а иногда, наклоняясь, слышать, как он забавно сопит. Позже, когда ребёнок проснулся, они сидели вдвоём

на веранде, смеялись, пили чай с сушками.

К вечеру от реки потянуло прохладой, и женщина отвела двухлетнего внука в дом. Совсем скоро приехал сын с женой, они вместе поужинали, и женщина медленно проводила всех троих к машине.

Возвращаясь в пустой дом, она остановилась в холле и посмотрела в зеркало резной дверцы старого шкафа. На неё смотрели усталые, добрые глаза и покрытое морщинами загорелое, обветренное лицо. Минуту постояв у дверцы, женщина привычным движением поправила седые, опалённые временем волосы.

Нет, не увидеть ей рядом весёлого молодого лица, задорного блеска глаз мужа, давно покинувшего этот мир. Как бывало прежде: он подходил, обнимал, смотрел на неё... Настанет день — не увидит она и себя.

Но где-то останется качаться на волнах лодка, и чайки будут также кружиться над рекой и подставлять новому лику-ющему взору свои ослепительно белые нежные бока, чуть тронутые розоватым отсветом рассвета.

2005 год

День из детства

Прошло больше сорока лет, а я снова вернулся в этот маленький городок на берегу реки. Снова медленно спустился к набережной по мощёной улочке, поросшей справа и слева густой зеленью низкорослого кустарника, а у реки — акациями.

Ближе к реке дорога свернула к потёртому зданию с часиками на башенке — старому речному вокзалу. Там мне сказали, что прогулочные теплоходы уже не ходят лет десять, но могут предложить билет на Самару — на теплоход, проходящий ночью, или билет на «Ракету» — в Астрахань днём.

Но не собирался я плыть ни в Астрахань днём, ни в Самару ночью.

Я подошёл к реке. Закурив возле акаций, прошёл постоять на пристани. Внизу, метрах в пяти от деревянного настила, колыхались волны. Как вечен их бег и как быстро проходит время! Будто вчера это было: запах влаги от реки, шелест акаций, слепящее солнце в бликах волн, а на тёмной дощатой площадке пристани — солнечные «зайчики» от стеклянных глаз теплохода.

Над головой раскинулась лазурная даль небосклона, а в воздухе повис долгий, щемящий душу зов детства. Мне до сих пор помнится этот день и ощущение вокруг меня чего-то бесконечно большого, светлого, доброго, но уже такого да-

лёкого и неуловимого.

Солнечный и ясный был тот день, совершенно удивительный.

Мы только что зашли на палубу, держась за верёвочную стяжку сходней. На палубе и в салоне полно народа... разговоры. Неожиданно корабль вздрогнул и задрожал, позвякивая стеклом в прямоугольных окнах. За кормой в воде кольцами пошли буруны. Пролетел канат. С шумом убрали деревянные сходни. Через минуту теплоход, в трепетном нетерпении, медленно отошёл от пристани. Мы вышли из салона на воздух. Тень от металлического козырька прикрывала нас от прямых солнечных лучей. За кормой продолжала бурлить вода, перемешиваясь с сизым дымом...

Пятилетним мальчишкой в светлых штанишках и тёмных сандалиях я стоял около поручня между отцом и матерью и всматривался в удаляющийся берег. Всё больше и больше пространства занимали волны, всё шире и радостней рос волжский простор. Тут, у борта, у нагретого солнцем поручня, широкого, как отцовская ладонь, я почувствовал лёгкое веяние речной прохлады и тонкое благоухание маминых рук — особый запах, который я не в силах описать, но который мне запомнился на всю жизнь. Запах детства в лазурной ауре света, добра и любви.

Сам того не понимая, отчего тогда, в тот радостный солнечный день, я, мальчишка, с грустью смотрел на берег, на

летающих чаек, на весёлые солнечные блики, лёгкие волны, радостные лица людей и старался запомнить всё до мелочей. Может, оттого, что уже тогда знал: тот день не вернуть, как не вернуть своих родителей.

Внизу, метрах в пяти от деревянного настила пристани, шелестят волны. И как бы ни складывалась жизнь с её радостями и невзгодами, как бы я ни научился ценить радость нового дня, любовь женщины, любовь к жизни, как бы ни радовался однажды проснувшимся во мне отцовским чувствам, — но возникшая на теплоходе грусть теперь всю жизнь преследует меня. Будто чего-то постоянно не хватает. И, вернувшись сюда, я вновь и вновь спрашиваю себя: «Чего же?»

2007

Терять и находить

Часть первая

Мне вспоминается история давнего знакомого, с которым выпал случай повстречаться в поезде Москва — Петрозаводск. И вроде бы ничего особенного в его истории нет, если не считать чем-то особенным откровенный разговор о жизни. Как бы то ни было, передо мной раскрылась его жизнь и бездна чувств, никогда ранее самим не испытанных и не изведанных, — чувств незнакомых прежде людей, о которых говорил мой знакомый. Сейчас, по прошествии нескольких лет, вспоминая его историю, я открыт новым людям, новым впечатлениям. Я верю, что теплота души человека, её природная искренность обязательно сохранится, и чувство полноты жизни в одном из своих проявлений — как, например, любовь, где бы оно ни было и сколько бы времени для этого ни потребовалось, — рано или поздно обязательно вернётся к каждому человеку вновь, быть может, даже с удвоенной силой.

Была осень. Воздух прохладен и свеж. За мутным окном вагона, через платформу напротив, стоит электричка. За ней ярко горят прожекторы станции. Я устроился в купе загодя до отправления поезда: пришёл, когда никого не было,

первым вышел на длинный перрон и первым подал билет на проверку проводнику. Повесил куртку в пустом купе и подумал, что мне снова придётся коротать вечер с незнакомыми людьми. Скоро они подойдут: шумно, как водится, пройдут по тамбуру, заглянут в купе. На перроне ли, или уже в вагоне поезда, я стал тяготиться ожиданием момента, который наступает, когда не знаешь, с кем придётся продолжать путь. Точно не знаю. Редкий случай выпадает, если в компании, среди пассажиров, попадётся одновременно разговорчивый и интересный собеседник: начинаешь его с интересом слушать, и необъяснимо, как под его незатейливой болтовнёй незаметно вовлекаешься в процесс разговора. Впрочем, что касается меня, я с удовольствием мог занять себя книгой.

В купе на столике лежат газеты и журналы. Я от нечего делать взял первый попавшийся журнал и стал листать. Сначала появилась пара: муж с женой, а затем Морозов с небольшой сумкой на плече.

Вот уж с кем я не ожидал встретиться, так это с Владимиром Морозовым. Некоторое время мы работали вместе. Владимиру за пятьдесят, он на двадцать лет старше меня. Я обрадовался, что снова увидел его. Он был прекрасный собеседник и удивительный человек.

— Вот так встреча!

Морозов искренне улыбнулся, мы пожали друг другу руки. Так повелось, что его все звали по фамилии; привык так называть его и я.

Поезд тронулся в путь. Все расселись в купе в ожидании проводника. За окном мелькнула станция, затем начало какой-то улицы, дома. Мы болтали, иногда сидя за столиком, иногда стоя в тамбуре. Ему было о чём мне поведать. Большую часть пути проезжали ночью, и у нас достаточно оказалось времени для разговоров.

Он работал инженером, ремонтировал оборудование нашей фирмы, а ещё втайне от начальства занимался неофициальным ремонтом медицинских тонометров. Я узнал это, поскольку частенько спускался в его коморку в подвальном помещении и заставлял его за этой работой. В конце 1998 года, в самый разгар кризиса, я уволился и с тех пор его не видел, хотя первое время мы общались по телефону.

По прошествии трёх лет с тех пор, как я ушёл из фирмы, мне было интересно узнать о его судьбе. Один раз я даже приехал на старую работу. Приехал так, от нечего делать, — узнать, не рванула ли в воздух фирма (в последнее время она совсем напалмом дышала), захотелось поболтать с теми, кто остался из старого коллектива.

Спустившись в тот раз в подвал к Морозову, я был поражён его спокойным отношением к жизни. Даже когда грянул дефолт в 1998 году и резко упала зарплата, он и не думал менять работу. Я не считаю, что он был покорным, неприхотливым, немым работником, одним словом, рабом, как это могло показаться на первый взгляд, — но то, как он жил в своей каморке, меня потрясло. Это было прошлой зимой. Ме-

ня поразила убогость обстановки. На электрической плитке с тёмными разводами высохшей краски стояла закопчённая, местами до черноты, алюминиевая кастрюля с погнутыми краями и выгнутым дном. В ней он варил картошку и сосиски. Тут же, на столе, представлявшем собой металлический каркас с деревянной доской, освещённом широким окном старого исследовательского института, в котором фирма арендовала помещения, стояли никому не нужный рН-метр, старые весы с грузиками. Фирма давно уже ничего не производила, многие инструменты давно устарели. Никто не знал, как долго она просуществует. Морозов был одет в потрескавшиеся дешёвые кроссовки с надорванными краями, дырявые. Носил две куртки: одну поверх другой, поскольку не имел ничего зимнего, и вытянутый, свалявшийся свитер. Приходилось экономить.

Я никогда ему этого не скажу, но он выглядел действительно ужасно, выглядел как нищий. Плохо платили в тот год и даже около года после: так «заботились» о сотрудниках. Впрочем, не в руководстве фирмы была в том вина. Просто неудачный был год... Мягко сказать, неудачный.

— Как ты ушёл, зарплату уменьшили вдвое. Стало тяжело, — Морозов задумался и посмотрел на меня ясными глазами. — Ты никогда не ел говяжьи ножки? Мы покупали их с женой, потому что они были дешёвые: варили суп из них, готовили холодцы.

— Всё старались экономить для сына, — говорил он. —

Как умерла жена, теперь о нём забочусь.

У него был сын, который учился в институте и где-то на кафедре подрабатывал лаборантом.

Мне было искренне жаль Морозова... Чем бы я мог выразить своё искреннее сочувствие? Я достал бутылку водки, но он наотрез отказался.

— Все, наверное, косо на меня смотрели, что я ушёл тогда из фирмы.

— Ты сделал выбор, который каждый бы сделал на твоём месте, — сказал я. — Из всего первого состава остался я один, разумеется, исключая руководство.

Мы разговорились. И мне, и ему это было нужно.

Про смерть его жены я услышал от него впервые. Ему было трудно вспоминать об этом, но он рассказал, и с первых его слов я понял, что это был рак. Она слегла внезапно. Болела около полугода, а последний месяц — особенно мучительно. Морозов сидел у постели.

— Она, когда была в сознании, старалась меня утешить, думала обо мне. Говорила, чтобы я особенно не волновался, что сейчас встанет и пойдёт на кухню готовить обед, только ещё немножко полежит в кровати. А сама только руку могла поднять, даже не могла наклоняться, переворачивалась с трудом, ходила под себя. А в последние дни совсем говорить перестала, только было слышно, как она тихо шептала, подзывая меня...

Тут я не могу описать того состояния, что охватило в ва-

гоне Морозова. Нет слов, чтобы описать выражение его глаз и лица, увиденные мною в ту минуту. Он наклонился так, что я не мог многого видеть; плечи его затряслись. Когда он успокоился, то продолжил:

— Каждую неделю приезжал к ней на кладбище. В глазах темнело. Участки, один за другим, ряды памятников, кресты: белые, чёрные, проржавевшие и никелированные, поросшие травой извилистые дорожки. Одновременно было и странно, и страшно понимать, что я к этому привык. Если можно сказать, привык к беспросветной тьме, к пустым дням, что проходили день за днём незаметно. Смещались даты, терялся в голове календарь событий. Весь ужас был в том, что я ни к чему уже не стремился, и мне начинал нравиться сложившийся порядок вещей: это некоторое беспмятство, стёртые грани, безрассудство.

— Я всё это тебе рассказываю, — продолжал Морозов, — чтобы ты понял, в каком состоянии я находился. В некоторой мрачной обречённости от наступления завтрашнего дня, — сказал он, подумав. — Меня ожидало вчерашнее утро, заурядный день, и я знал, что день этот закончится таким же вчерашним вечером. Я ненавидел сны. Всё продолжалось более полугода. Меня спасли от безумства только мысли о сыне. В какой-то момент мне стало казаться, что жизненные силы стали покидать меня. Меня охватила сначала паника, бессмысленная суета, а затем всё оборвалось, кончилось слабостью и безволием. Окружающие люди, события — всё

смешалось в пространстве, как в беспробудном сне. Знаешь, при желании каждого человека можно сломать. У каждого найдётся нечто, от чего он не сможет отказаться. Осознание безысходности каждого часа, каждой прожитой минуты теперь в прошлом, хотя в целом мир перестал быть интересен мне — в том плане, что меня уже ничем не удивить. На тот момент я почувствовал, что жизнь уже прожита... Можно было легко покончить с собой. Тогда-то и пришло понимание того, что наступило время прощания. Пора было моей Машеньке, моей милой Машеньке уйти. Уйти от меня, из моей оставшейся жизни. Не удерживать её больше в себе. Я понял, наконец, что означало окончательно проститься: отпустить от себя её образ, перестать жить прежними чувствами и оставить только воспоминания о прошлом, горячо любимом, близком человеке.

Долгое время я не мог привыкнуть к мысли, что Машеньки нет. Ведь мы жили вместе более тридцати лет. Чего только мы не пережили? Чего только с нами не случилось! Всякое было. И даже не поверишь: хотели развестись, — Морозов даже в этот момент улыбнулся. — Да, развестись. Пришли оба в ЗАГС для развода и... не смогли войти внутрь. Так любили друг друга, что постояли, потоптались на месте, развернулись и пошли вместе домой.

Я смотрел на него и не заметил уже и тени на его светлом лице. Подумал, сколько сил нужно иметь, чтобы выбраться из того эмоционального вакуума, в котором он находился, и

теперь так просто, с улыбкой говорить о жизни.

— Это жизнь, — любил повторять Морозов. — Просто жизнь.

— Как дела на работе? — спросил я его, когда мы из тамбура вошли в купе.

— Намного лучше, чем было раньше. Но всё равно долги остались. Машенька год не платила за квартиру по забывчивости, а потом и по болезни, а мне вспомнить было не до этого. Да я и никогда не следил за квартирой, за оплатой: всё она успевала делать. Были ещё и другие долги, о которых я узнал только после её смерти... В общем, тысяч на пять долларов. А для меня, ты сам понимаешь, просто катастрофа в тот год после кризиса.

Мы помолчали под стук колёс и шелест рельсов.

— Тебе помочь? — спросил я серьёзно. — Я могу...

— Спасибо, Андрей, всё в порядке. Я уже занял у друзей, выкручиваюсь потихоньку. На работе стали лучше платить.

— Я так и не понял, почему ты не ушёл тогда, в тот год, не стал искать другую работу, — сказал я недоумённо.

— Привык я работать там, где меня знают, где есть от меня польза. Но скажи мне: кому я нужен в свои пятьдесят пять? Кто меня возьмёт? Я знаю всё про свой возраст и то, что уже никому не нужен.

— Ну, по-разному бывает.

— Люди привыкли ко мне. И на фирме, и те, кому я тонометры чиню. Много не беру, ты меня знаешь, а так, куда им

идти: старикам, инвалидам, пенсионерам — везде всё дорого, а я ремонтирую за символическую плату. Кроме них, ещё врачи обращаются. Электронику их смотрю: кардиографы, анализаторы медицинские. Они бюджетники, рассчитывать на крупные суммы не могут — вот и обращаются ко мне. Однако за кресло, положение я своё не держусь. Ничего жалкого я не видел в жизни, как человека, который «держится за кресло». Может быть, замечал, как, приходя утром на работу, некоторые садятся, кряхтя и поглаживая подлокотники своего любимого кресла?

Поезд нёс нас на север. Мы оба ехали в командировку в Петрозаводск, каждый по своим делам. За окном давно стемнело, и в отражении окна, будто в параллельном мире всего происходящего, я наблюдал, как наши соседи — супружеская пара — пили чай. Вскоре они закончили, мы пересели к столу и принялись за еду сами.

Часть вторая

Мы пили растворимый кофе со сливками, какие обычно подают в маленьких пластиковых упаковках.

— Разве это кофе? — досадовал Морозов. — А сливки? Одна сплошная химия, как, впрочем, и всё остальное, что продаётся в городе. И дня не пройдёт, как продукт испортится. В свое время мне довелось пожить несколько лет в Сибири. Бывало, нальёшь сливки в туес, а наутро они лишь густеют. Перевернёшь туес, а сливки не выливаются и хранятся долго: натуральные продукты.

Я внимательно смотрел на Морозова. Худоба, которую я привык в нём видеть, прошла, лицо приобрело здоровый вид. Обувь у него теперь опрятная, но не дорогая, и сам он выглядит хорошо, но всё так же бедно.

И тут я неожиданно заметил у него красивые часы: на запястье его блеснул браслет. Вначале я их не примечал, настолько гармонично они сидели на руке — верный признак хорошего вкуса. Внешне часы чем-то напомнили одни из тех, которые я одно время продавал в бутике на Новом Арбате, когда работал продавцом, но в той коллекции именно таких, как на руке у Морозова, не встречал. Я присмотрелся.

Часы Raymond Weil — дорого и со вкусом. Очень удачный выбор. Продавцом я держал в руках похожие: циферблат прямоугольной формы, на циферблате римские цифры

и маленькое окошко с датой.

— Красивые часы, — сказал я.

— Часы? — рассеянно произнёс он. — А... Это подарок.

В этот момент он улыбнулся той задумчивой улыбкой, которая сопутствует приятным воспоминаниям. Лицо его в этот момент приняло благостное выражение. Минуту назад он был сосредоточен, напряжён, а сейчас впервые расслабленно улыбнулся.

— Разреши посмотреть?

— Пожалуйста.

По той интонации, с какой он это сказал, и по его внимательному взгляду, следившему за моими руками, я понял: часы ему были дороги как память, как нечто близкое сердцу, что невозможно от себя отпустить даже на время, а вовсе не потому, что они дорого стоили.

— Стоят не меньше двух-трёх тысяч долларов, — заключил я, опытным глазом посмотрев на часы. — Ты, наверное, не знаешь, но после того как я ушёл из фирмы, я успел поработать в магазине продавцом часов дорогих марок. Выглядят вполне роскошно.

— Могу лишь представить себе их цену. Но знаешь, я сначала не хотел их брать в качестве подарка.

— Это почему?

— Трудно поверить, что самостоятельная, богатая женщина, проживающая в Англии, искренне заинтересуется мной — рядовым инженером из России, привыкшим к нуж-

де, сводить еле-еле концы с концами. Это её подарок. Такие дорогие подарки я никогда не принимал. Ни от мужчин, ни от женщин, тем более богатых женщин. Ведь если задуматься: зачем я ей нужен? Что она нашла во мне? Кроме долгов, у меня ничего в жизни нет. Ну, сын, работа... Да мало ли таких, как я?

— Вы привыкли работать, своим трудом зарабатываете на жизнь, ещё воспитываете сына, — начал я было рассуждать.

Но тут он рассказал о ней, об этой женщине, не слушая меня, не воспринимая моих слов. Ему самому хотелось выговориться, поделиться со мной своими переживаниями, эмоциями. И он выплеснул их наружу.

— С ней я ощутил себя лет на тридцать моложе. С ней действительно хотелось оставаться таким. Быть, разговаривать, чувствовать, одним словом, продолжать ощущать движение жизни.

Он заметил её в очереди у окна с надписью «Расчёты за коммунальные платежи».

Тут, в помещении жилищного хозяйства, с утра была толчея: люди суетились и выстраивались в длинные очереди за копиями финансово-лицевого счёта, регистрировали сделки, получали документы для приватизации жилья.

— Она была с пожилой матерью-старушкой, которая сидела на стуле поодаль, а сама оформляла приватизацию. Уже не молодая женщина, но выглядела очень хорошо: ухоженное лицо, уложенные волосы, короткая стрижка. Подумал:

ухоженная, но не холёная; в возрасте, но не старая.

Тёмные волосы с проседью, причём отдельные седые волосы не пучком где-нибудь у висков, как это часто бывает, а кругом, по всей голове, делали её очень привлекательной, даже несмотря на поперечные морщины на шее. С первого взгляда было видно, что женщина вовсе не стеснялась седины, держалась непринуждённо. Тёмно-голубого, почти синего цвета глаза её, подчёркнутые джинсовой курткой, были красивы, и голос звучал весело, но не звонко, а, напротив, спокойно и ровно. Она посмотрела на меня, и я понял, что она устала. Устала, как и я, от жизни, а возможно, от чего-то другого, что я не мог, разумеется, знать, а только почувствовал это. Её выдавали не столько глаза, сколько тихий голос.

Голос её был приятный, спокойный, женский — давно не слышал такой рядом, несколько лет. По голосу, по интонации многое можно сказать о человеке. Я помог ей разобраться с бумагами: благо прошёл через оформление этих бумаг полгода назад, когда также оформлял квартиру. Потом она попросила помочь с протекающим краном, так и сказала: помочь разобраться с краном, потому что нет мужских рук, которые могли бы взяться за это дело. Мне важно было общение с самыми разными людьми, к тому же в помощи я никогда не отказывал. Так что на следующий день я пришёл к ним домой. Тогда и познакомились лучше, разговорились. Через месяц она снова приехала, и мы встретились вновь. С того вечера и начались наши отношения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.